

Цѣна съ перес.

за годъ 2 руб.,

за 3 мѣсяца

50 коп.

Цѣна отд. № 5 н.

№ 126

(Апрѣль).

1909.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ

въ РЕДАКЦИИ

Вологодскихъ Епархіаль-
ныхъ Вѣдомостей

и въ кавалерии
его преосвященства
епископа Вологодского.

СОДЕРЖАНИЕ: Слова наши должныствуютъ происходить не отъ страсти, но отъ разума.—Чрезъ многословіе впадаемъ во многоразличныя бѣдствія.—Стойте въ вѣрѣ, мужайтесь. Гером. Неофита.—Чѣмъ жива наша русская православная душа. Никона, Епископа Вологодского и Тотемскаго.—Отецъ Феофанъ. (Воспоминанія).*—Изъ наставленія Преподобнаго Феодоры сыну своему. Н. К.

Прилагается къ Волог. Епарх. Вѣдомостямъ БЕЗПЛАТНО.

ОТЕЦЬ ΘΕΟΦΑΝЬ.

(Воспоминанія).

Въ нашемъ журналѣ печатался дневникъ одного инока, подъ заглавiemъ: „На пути въ объятія Отчи“.

Я хочу познакомить читателей съ весьма замѣчательною личностью автора этого дневника, котораго многіе сограждане, безъ сомнѣнія, видали, знаютъ по имени, а можетъ быть иные были знакомы лично и почитали.

Дневникъ этотъ принадлежитъ о. Θεοφану, бывшему инспектору нашей семинаріи. Среди людской суety и сутолоки, среди жизненныхъ волненій и борьбы за всевозможныя свободы, на такихъ людяхъ отдыхаетъ усталый взоръ и находитъ себѣ отраду и утѣшеніе исполненное разбитое сердце. О. Θεοфанъ принадлежитъ къ разряду тѣхъ немногихъ искренно благочестивыхъ людей, про которыхъ обыкновенно говорятъ: „человѣкъ не отъ міра сего“, или „это—рабъ Божій“. Не долго намъ пришлось быть знакомымъ съ нимъ, скоро онъ умчался далеко, далеко... Но и кратковременное знакомство съ нимъ оставило самыя отрадныя воспоминанія, какъ чего-то особенно свѣтлого и прекраснаго.

Это былъ истинный аскетъ и подвижникъ. Добрый, жизнерадостный—онъ весь былъ любовь. Вся мечта его, всѣ желанія и стремленія—монастырь да келлія. На свое служеніе духовному юношеству онъ смотрѣлъ какъ на святое послушаніе волѣ Божіей... О. Θεοфана можно было видѣть только или въ семинаріи, или въ церкви. Я познакомился съ нимъ въ день храмового праздника. Между прочимъ, я передалъ ему поклонъ отъ брата,

его товарища по образованію. Онъ обрадовался мнѣ, какъ родному. Сейчасъ же потянулъ меня къ себѣ въ квартиру и сталъ угощать всѣмъ, что только лучшаго нашлось у него. Мало того, онъ нашелъ гдѣ-то у себя черный платочекъ, завернувъ въ него мнѣ гостинцевъ на дорогу и убѣждалъ взять ихъ. Съ тѣхъ поръ прочно завязалось наше знакомство. Я просилъ его посѣтить меня. Онъ каждый разъ обѣщалъ непремѣнно, но ни разу не исполнилъ своего обѣщанія. Ходить въ мірскіе дома было не въ его правилахъ.

Видѣть о. Феофана приходилось мнѣ не часто. Большею часомъ встрѣчались мы въ храмѣ Божіемъ. Въ высшей степени пріятно было смотрѣть на него во время Божественной службы. Послѣ причастія Св. Таинъ лицо его сияло какою то неземною радостію. Молитва—его жизненная стихія. Служилъ онъ едва ли не каждый день. Если почему нибудь это неудобно было въ семинаріи, онъ шелъ въ приходскую церковь. И какъ усердно онъ молился!...

Тогдашній о. Ректоръ семинаріи говорилъ объ Феофанѣ: „я желаю, чтобы подольше оставался онъ въ нашей семинаріи. Его молитвами она будетъ ограждена отъ всѣхъ золъ и напастей“. Дѣйствительно, въ его пребываніе, семинарія ограждена была какъ бы каменной стѣной. А съ его отъездомъ настали для нея тяжелые дни...

Чтобы ближе познакомить читателя съ этою замѣчательною личностію, я разскажу о нѣсколькихъ дняхъ моей гостьбы въ его квартирѣ.

Оговариваюсь, что я буду изображать жизнь его безъ всякихъ прикрасъ и прибавленій. Сколько могу, постараюсь представить читателю живаго человѣчка.

Это было такъ. Семья моя лѣтомъ жила въ деревнѣ. Вмѣстѣ съ семьею былъ тамъ и я, но непостоянно. Служебныя обязанности заставляли меня время отъ времени возвращаться въ городъ. Моя квартира была заперта. Не хотѣлось идти ночевать въ пустой домъ. Рѣшился обратиться къ о. Феофану, чтобы онъ далъ мнѣ у себя въ квартирѣ временный пріютъ. Радехонекъ. Вотъ, отслуживъ праздничную всенощную, и прихожу къ нему. Онъ тоже служилъ гдѣ-то вблизи семинаріи. Я засталъ его уже въ ожиданіи себя за самоваромъ. Напились чаю. Въ самоварѣ же онъ сварилъ по яичку. Нашлась еще рисовая каша. Это—ужинъ. Долго мы бесѣдовали съ нимъ, отдались сладкимъ воспоминаніямъ своей юности... Пробило двѣнадцать. Ну, теперь будемъ читать правило, скомандоваль хозяинъ. Завтра нужно служить обоимъ. „Читай сначала ты“, предлагаетъ мнѣ Феофанъ. Стали молиться. Онъ всталъ сзади меня. Вдругъ, когда дошли до канона Божіей Матери, онъ запѣлъ первый ирмосъ, запѣлъ какъ-то восторженно, сладостно своимъ высокимъ тено-

ромъ: „воду прошедь яко сушу“... И дальше онъ пѣлъ каждый ирмосъ. Получалось что-то чудное, необычное... Никогда не забыть этихъ святыхъ минутъ...

Кончилось правило. „Ну, теперь я буду приготвлять постель“, сказалъ о. Феофанъ. Въ ожиданіи пріятнаго сна я присѣлъ. Вижу, онъ тащитъ одну рясу и разстилаетъ ее по полу. Потомъ другую. Сначала я стѣснялся спросить его—зачѣмъ это? Но вижу, что и мою рясу постигла также участъ.—Зачѣмъ рясы то натаскалъ? спрашиваю.

— „Это вотъ тебѣ постель, а тутъ мнѣ“, отвѣчалъ хозяинъ.

— „У меня хоть и есть кровать, но я предпочитаю спать на полу. Тоже рекомендую и тебѣ“.

Улеглись. Долго и еще бесѣдовали. Ему нужно было служить раннюю, а мнѣ—позднюю. Въ пять часовъ утра онъ уже будить меня на утреннее правило. Прочитали. Поцѣловались. Онъ пошелъ къ ранней, а я стала ожидать своего времени. Послѣ обѣдни я возвратился къ семье въ деревню.

Подобнымъ же образомъ я гостила у о. Феофана и въ другой разъ. Пришелъ я изъ деревни пѣшкомъ, верстъ за шесть, въ жаркій лѣтній день, отслужилъ воскресную всенощную въ женскомъ монастырѣ и усталый, утомленный являюсь къ о. Феофану. Онъ только что тоже пришелъ изъ церкви и, видимо, тоже очень усталъ. Поздоровались.

„Ну, чѣмъ я буду угощать тебя?“ Спрашиваетъ хозяинъ.

Безъ стѣсненія я отвѣчу ему: „голубчикъ, дай чайку!“

Со строгостью инока онъ возражаетъ: „не стану ставить самоваръ, а буду готовить ужинъ“. Келейника у него не было.

Я повторяю свою просьбу, ибо въ горлѣ у меня пересохло.

Послѣ долгихъ убѣждений онъ уступилъ мнѣ, но назначилъ наказаніе:

— „Ну, я пойду ставить самоваръ, а ты на керосинкѣ вари кашу. Да смотри, мѣшай чаще, а то уплыветъ“.

Каша была наложена. Хозяинъ пошелъ ставить самоваръ, а я неопытной рукой принялъся за необычное для себя занятіе. Сначала дѣло шло, какъ слѣдуетъ, но потомъ вышла нѣкоторая непріятность: каша поплыла. Безпомощный, я неистово стала вызывать къ хозяину.

— „Вотъ, говорилъ тебѣ, что самовара не нужно; кашу бы сварили я самъ и этого бы не вышло“, пенялъ мнѣ о. Феофанъ. Но скоро онъ поправилъ мою бѣду и каша доварилась благополучно. Смотрю, онъ достаетъ изъ кармана одно яичко и спускаетъ въ кашу, потомъ другое... Яички не безукоризненной бѣлизны... „Что ты дѣлаешь?“ говорю я.

— „Яйца спускаю вариться въ кашу; тутъ лучше, чѣмъ въ самоварѣ“—отвѣчаетъ хозяинъ.

Такъ приготовленъ былъ монашескій ужинъ и дѣло кончилось болѣе чѣмъ благополучно.

Собрали чай. Напились. Побесѣдовали. Послѣдовалъ ужинъ даже изъ трехъ блюдъ, какъ разъ по праздничному. У отца Феофана нашелся еще клюквенный морсъ, изъ котораго онъ приготовилъ превкусный кисель. Это было уже легко, благодаря обилию кипяченой воды въ самоварѣ. Итакъ, яйца, каша и кисель! Чего же больше?.. И мы оба счастливые, довольные, прочитали правило и улеглись на тоже ложе, какъ и раньше...

О. Феофанъ былъ безсребренникомъ. Разъ какъ-то онъ открываетъ предо мною ящикъ своего письменнаго стола, который у него даже не запирался. Смотрю, среди другихъ вещей, валяются два полтиничка. „Что это у тебя и деньги тутъ же валяются“—спросилъ я.—„Тутъ всѣ мои капиталы“—отвѣчаетъ онъ.

— „Какъ? Третьяго дня ты получишь жалованье и у тебя только осталось?.. Какъ же жить-то будешь?“

— „Богъ не оставитъ“, отвѣтилъ о. Феофанъ.

Единственнымъ любимымъ занятіемъ, которому преданъ былъ о. Феофанъ, была иконопись. Въ этомъ искусствѣ онъ проявлялъ несомнѣнныи талантъ. Свою любовь къ этому дѣлу онъ хотѣлъ привить и своимъ питомцамъ. Съ большимъ удовольствиемъ наблюдалъ я, съ какимъ увлеченіемъ писать онъ икону св. великомученика Пантелеймона для семинарскаго храма. Какое высокое наслажденіе доставляло ему святое дѣло! Въ этомъ искусствѣ несомнѣнно подражалъ онъ тезоименитому вышенскому затворнику святителю Феофану, котораго глубоко почиталь и тщательно изучалъ его творенія. Должно быть, ученикъ глубоко усвоилъ идеалы своего учителя. Затвориться въ келліи сдѣлалось жизненною мечтою и о. Феофана. Но вездѣ и всюду онъ хотѣлъ сообразовать свои поступки съ волею Божіей. Съ этой же точки зреянія онъ смотрѣлъ на свое служеніе въ семинаріи. Указанія свыше ожидалъ онъ, чтобы осуществить свое завѣтное желаніе

Что произошло съ нимъ, я не знаю. Только вдругъ получаю извѣстіе, что о. Феофанъ отправился уже на Аeonъ, чтобы затвориться въ келліи и отдаваться жизни созерцательной... Я слышалъ потомъ, что онъ и осуществилъ свое завѣтное желаніе.

Сначала я посѣтовалъ на него, что онъ даже не простился со мной. Но скоро мое сѣтованіе смѣнилось христіанскимъ утѣшеніемъ, что это—молитвенникъ за родъ христіанскій, что это уготованная жертва Богу.

Осуществились на немъ слова Писанія: *не имамы здѣ пребывающаго града, но грядущаго взыскуемъ.*

Гдѣ ты, другъ милый мой? Живъ ли? Здравъ ли пребываешь о благодати Божіей?..

Какъ бы хотѣлъ я повидаться съ тобой! Какъ бы желалъ насладиться твою задушевною бесѣдой!

Не думаю, чтобы эти строки когда нибудь дошли до тебя.
Прости мнѣ, если я погрѣшилъ противъ твоей скромности.

* * *